

Александр ПРОХАНОВ ДЕНЬ РОМАН

Виктор Ильич Куравлёв, главный редактор оппозиционной газеты "День", двигался в толпе среди гула, песен, мегафонного рокота, колокольного звона. Перед ним два парня в спортивных куртках несли кумачовый транспарант с надписью "Трудовая Россия". Справа шла пожилая женщина в пляном берете. Держала на палке портретик Сталина, старалась поднять его так, чтобы он не затерялся среди красных флагов и транспарантов. Слева пужинно и нетерпеливо вышагивал парень в кепке с красным бантом на пиджаке. Ему было тесно в толпе, недостаточно песен и лозунгов. Хотелось дать волю играющим мускулам. Сзади две девушки несли букетики алых тюльпанов. Свежими голосами подхватывали советские песни, а когда из мегафона раздавались призывы, радостно вскидывали головы, вторили: "Советский Союз! Советский Союз!". Среди толпы, огромный, похожий на чудовищную ящерицу, катил ракетовоз. Его толстые колёса медленно вращались. Толпа облепила его. Рaketовоз осторожно двигался, стараясь не подмять идущих рядом людей. На спине ракетовоза стояла перекладина с колоколом. Звонарь, счастливыи, неистовый, бил что есть мочи в колокол. Удары погружались в гулу песен, выкриков, мегафонного голения, сбивали их в жаркое варево. Над кабиной ракетовоза возвышалась трибуна. На ней, расставив ноги, Виктор Анпилов прижимал к губам микрофон. Лицо, застёбываясь, взмахивал кулаком. Его лицо от возбуждения дёргалось. Перекрикивая песни, удары колокола, он бросал в толпу лозунги. Они падали, как голыни, поджигая толпу, и по ней катилось валом грозное и восторженное: "Советский Союз! Советский Союз!". От этого гула сотрясались фасады улицы Горького, волновалось синее майское небо, солнечная площадь с пылающей клумбой тюльпанов. Памятник Горькому, костякостый, с клюкой, морщил бронзовый лоб, слушал Анпилова, буре-вестника новой русской революции.

Куравлёв счастливо пьянел от гула, от сверкания стёкол в кабине ракетовоза, от обилия красного цвета, от мощного движения толпы. "Хорошо! Мне хорошо! Люблю их всех! И Анпилова, и эту пожилую сталинистку, и молодца, мечтающего об автомате, и звонаря, бьющего в набат! Советский Союз! Советский Союз!" Он шёл с народом в едином марше, в едином походе. Двигал единой силой, восхитённо повторял: "Советский Союз!" Как и все, верил, что народ отобьёт у захватчиков великое государство. Под натиском грозной народной лавины захватчики отступят, разбегутся, и вновь оживёт красное государство, которое было Куравлёву Родина. "Без него мне не жить! Не жить! И ему без меня! Он зывает, и я иду! Мы идём! Идём спасать государство!"

Все эти годы он задыхался от дыма, в котором сгорало Отечество. Погибал среди вражеских ликующих кликов. Теперь эти клики глотили среди громогласного: "Советский Союз!"

В толпе мелькали сотрудники "Дня". В ближайшем номере появятся описание народного шествия. Худой, длинноногий, похожий на журавля, вышагивал Анисин с красным бантом на чёрной рубашке. Маленький, сияющий Нефёдов с упое-нием подхватывал песни, то и дело заслоняемый красным флагом. Бондаренко ненасытно смотрел шальными глазами. Газета "День" шагала в народном шествии, вливалась в него свою непреклон-ную веру, питалась его могучей волей. Куравлёв любил их братской любовью. Они были малым мобильным отрядом, незаметными в бою.

Анпилов с крыши ракетовоза, оседлав желез-ного дракона, царил над толпой. Управлял огром-ной лавиной, будил в ней ярость, восторг, веселье. "Трудовая Россия", сожми кулак! Пусть бур-жуя видят рабочую руку, привыкшую сжимать не только серп и молот, но и винтовку! Долой зах-ватчиков! Отстоим нашу социалистическую Ро-дину! Пашины — крестьянами! Заводы — рабочим! Гайдару — кол в зад! Банду Ельцина под суд! — он дёргал кулаком, срывал голос, тянулся вверх. Казалось, оттолкнётся и полетит. Толпа жадно глотала его слова, счастливо отзывалась: "Под суд! Под суд!" "Долой! Долой!"

Анпилов передал микрофон долговязому лы-сому рабочему. Раздувая жилы на горле, тот за-хрипел, забуриил.

— Слышь меня, красовос! А бульканья в лоб не хочешь? Ты, Гайдар, чмо слюнявое! Жопа с ушами! Хочешь в рожу мой рабочий кулак? — он показывал толпе тёмный кулачище, и толпа ре-вела, хохотала, была готова разбирать булыж-ные мостовые. — Ни шагу назад! Это наш Ста-линград! Ни шагу назад!

Толпа бушевала, "Сталинград! Сталинград!" Микрофон перехватывала бойкая старушка. Пла-точек, седые прядки, утиный нос, озорные глаза. Тяжёлые башмаки толпатали по крыше ракетовоза.

*Пропюя я вам частушки.
У Шахрая из волос
Вылетают вошки, мушки.
Вот и чешется, как пёс.
Эх, ма! Эх, ма!*

*Царь Борис напопоину
Человек и бегемот.
Зафизагил он в Наину,
Пьяный, банку из-под шпрот.
Эх, ма! Эх, ма!*

*Эту задницу с ушами
Мне не надо даром.
Подарите мне собаку,
Назову Гайдаром.
Эх, ма! Эх, ма!*

Старушка приплясывала, зыркала синими гла-зами. Народ хохотал. Подпевал: "Эх, ма! Эх, ма!" Шагавший рядом с Куравлёвым парень в кепке зло произнес:

— Мне бы автомат! Всё хахоньки, да хохоньки. Дайте народу автоматы! У тебя, часом, нет авто-мата? — спросил он зло у Куравлёва.

— Пока нет. Как тебя звать?

— Бирюков. Просто Бирюк. Достать автомат, вот и будет "Эх, ма!"

На ракетовозе появился взъерошенный чело-век в шутовском колпаке. Держал палку с наде-тым чучком Ельцина.

Тот был в белой хламиде с длинными рука-ми, напоминавшей смиреннейшую рубашку. Го-лова с тяжелой челюстью, мочалка вместо во-лос. Человек в колпаке крутился, приседал и подскакивал. Чуело болтало руками, смешно трясло головой. Народ потешался, свистел. Раз-

В издательстве "Наше Завтра" готовится к выпуску новый роман Александра Проханова "День". Книга повествует о необычайной, неповторимой газете, имя которой — "День". Эта газета появи-лась в самом начале 1991 года, и её называли органом ГКЧП, ибо в ней публиковались статьи и ин-тервью практически всех последних советских вождей перед их печальным концом в 1991 году. Всё огненное время, "пикирующее", как его называют, 1991—1993 годов, когда формировалась новая российская оппозиция, газета "День" принимала прямое участие в становлении первой волны рос-сийских-постсоветских оппозиционеров, соединяя красных и белых, публикуя у себя коммунистов и православных, верующих и язычников, экзотических философов и художников, которые возник-ли на волне перестройки и наполнили интеллектуальное пространство России своими взглядами, похожими на фантастические видения. Газета "День" формировала Фронт национального спасения, который постепенно, преодолевая сопротивление Хасбулатова, завоевал большинство среди де-путатов Верховного Совета и возманил народное восстание после ельцинского переворота, устраи-вавшего Конституцию и Верховный Совет.

Газета "День" была во всех столкновениях и баталиях, на неё обрушивались дубины милиции и ОМОНа. Она была дискуссионным клубом, местом тайных нелегальных собраний, вербовочным пунктом, отсылавшим добровольцев в воюющее Приднестровье, сама воевала в Приднестровье. А в дни ельцинского переворота была оплотом оппозиции, сражалась на баррикадах, погибала под пулемётами в Останкино, выдерживала танковые удары в горящем Доме Советов и была закрыта Ельциным без суда и следствия после страшного разгрома российского парламента.

Роман наполнен героями тех лет, коллизиями тех огненных дней, является свидетельством фан-тастического периода российской истории, когда заканчивалась одна эра и начиналась другая, в которой "последние стали первыми": последние защитники советского строя вскоре стали первыми государственниками новой России.

СХВАТКА

Глава новой книги

давалось: "Под суд! Долой!". Человек достал бу-тылку, сунул в рот чуелоу.

Чуело пглоало, проливалось на хламиду. Чело-век достал захигалку и поджёр чуелоу. Оно жарко вспыхнуло. Хламида сгорела, обнажился прово-лочный каркас. Горепа тряпичная голова, мо-чалка. Летела копоть. Народ улюпокал, свистел. Чуело сгорело, лохмотья упали на спину раке-товоза. Человек в колпаке затаптывал пламя.

Куравлёва веселило пёстрое многолюдье. Оно напоминало уличный театр. Наивная бу-тафорская трибуна, домашнего изготовления транспаранты, нелепый и радостный колокол, новость из какого гарнизона угнанный раке-товоз, старушка с частушками, хохочущие лица.

"Какой же народ весельчак! Но не дай Бог его оскорбить! Сегодня театр народный, завтра война народная, священнная война!"

Шествие было грозным, но и праздничным. Людям было хорошо вместе. Они были непобе-димы, обрели вожда, верили ему. Любили его мятый пиджак, яростный, орлиный клёкот. И Ку-равлёв любил, ликовал среди песен, гармошек, колокольного уханья.

"Эх, ма! Эх, ма!" — повторял, пританцовывая.

Он заметил Терехова, главу Союза офице-ров. Бледное, с усиками, лицо, офицерская форма, золотые погоны. В нём дрожала страсть, которая жгла его. Он был поневоле в этой мир-ной толпе. Организация офицеров, как жёсткие прожилки, пронизывала рыхлую мякоть толпы.

Рядом с Тереховым вышагивал пол-ковник Алксис, "красный латыш", мешко-ватый, похожий на пуму. Издалека объ-нялся с Куравлёвым поклоннами. Среди флагов и песен шли сыновья Куравлёва, Олег и Степа-н. Дома с вечера они рисовали плакат и крепили на палочки флажки. Куравлёву было радостно видеть рядом с собой сыновей. "Генерал Раев-ский и сыновья", — усмехнулся он.

Демонстрация медленно вливалась в пло-щадь Маяковского. Бронзовый поэт, как глыба застывшей лавы, казалось, приветствует ко-лонну стихами о "товарище маузере".

Куравлёв посмотрел на парня по имени Би-рюк, мысленно вложил ему в руку оружие.

Садовая нырнула в туннель под площадь, осы-пала колонну солнечным мельканьем машин. До "сталинского" дома, где жил Куравлёв, оставался квартал. Там, среди гранённых фонарей, окружё-ный бронзовой цепью, высился Пушкин. Курав-лёв подумал, — жена Вера слышит гул демон-страции, стоит на краю тротуара, всматривается в чёрную, расщевенную красным лавину, ищет в этой лавине мужа, детей, креститесь, пугаясь ко-локола на восьмикольесной колокольне. Колокол бьёт всё надрядней, зсывая людей на пожар, и жена испуганно крестится.

"Милая, милая Вера, ну оставь, оставь свои страхи!"

Куравлёв протиснулся во главу колонны и увидел знаменосца. Женщина несла на плече дерево, волновалось алое знамя. Знамя было столь велико, что ветер окутывал знаменосца алым шёлком, и женщина становилась невиди-мой. Казалось, знамя само плывёт впереди ко-лонны. Ветер сдувал знамя в сторону, и стано-вился виден знаменосец. Женщина шла плавно, как по волнам. Над ней раздувался алый парус. Знамя, наполненное ветром, взмоет, и женщина полетит, ухватившись за древо.

Она была стройная, высокая, с длинными но-гами на высоких каблуках, в белой блузке и тёмной юбке. Лица не было видно, но Куравлёв видел сильную гибкую спину, золотистые, связанные в пучок волосы. Куравлёва восхитило это алое знамя в руках чудесного знаменосца. Вся огромная ла-вина людей, упрямая машина ракетовоза послушно следовали за огненным знаменем, за чудесным знаменосцем. Знамя, как поводьяр, вело, знало путь, направляло к заветной цели. Колонна пре-дано и послушно следовала за знаменем, верила знаменосцу. Пустое пространство отделило ко-лонну от знамени. Люди не приближались к нему, оставляли в прекрасном одиночестве.

Куравлёв верил знамени, верил знаменосцу, который проведёт всё тысячное топище по улице Горького до Манежа, мимо гостиницы "Москва" на брусчатку Красной площади. В ве-сеннем солнце, как букет цветов, засияет Васи-лий Блаженный, заблестит гранит Мавзолея, за-желетит из-за кремлёвской стены дворец. Знамя воспарит, сметёт своей алой силой чужеродный полосатый флаг, взорвётся над Кремлём, и Со-ветский Союз воскреснет.

Так думал Куравлёв, глядя на знаменосца. Алое полотнище пылко воскрешать Советский Союз. В толпе незримо двигались те, кто вручил им знамя. "Все здесь, все с нами. Никто не забыть", Куравлёв представлял предшественников, вру-чивших знамя. Лихие конники Будённого с пуле-мётными танками. Строители Днепротгса с мастерками и отбойными молотками. Гвар-дейцы-панфиловцы, обязанные гранатами. Юрий Гагарин с лучезарной улыбкой. Прежде они представлялись скульптурами на фасадах сталинских зданий, но теперь, окроплённые алой росой, они ожили. Совершилось таинство воскрешения. Мёртвые восстали из могил, обя-лись с живыми, идут за священным знаменем. Куравлёв, не приближаясь, целовал знамя, це-ловал знаменосца, целовал своего деда, сре-жёнго под Сталинградом и теперь идущего рядом, красная лейтенантским ромбиками.

Впереди, где светлепа площадь, и улица Горь-кого начинала спускаться вниз, мимо магази-на "Армения", к Кремлю — там возникло туманное, тёмное. Медленно надвигалось в тусклом желе-зном свечении. Куравлёв различал сдвинутые щиты, каски, плотный строй солдат, перекрывших улицу. Веяло тупым упорством, угрюмой силой. Солдаты внутренних войск встречали народ. Га-зета "День" рассказывала, как Дивизию Дзержи-нского тренируют бороться с демонстрантами. Изображают толпу с красными флагами. В неё врезаются железные клинья солдат. Теперь толпа была настоящая, красные флаги настоя-щие, железные щиты и каски, готовые врезаться в демонстрантов, были настоящие.

Шествие замедлило ход, уплотнилось. Люди взглядыались в железный заслон, который ме-ленно занимал площадь.

— Товарищи, не сдаемся! — захлёбывался Ан-пилов, — Москва — наш город! Улицы наши! Дома наши! Пушкин наш! Захватчики будут раз-биты! Победа будет за нами!

Куравлёв чувствовал лбом давление щитов. Пространство, разделявшее две силы, сдвига-

лось. Столкновение было неизбежно. Он не же-лал столкновения, робел, но и торопил, хотел, чтобы скорее сошлись две силы. С грохотом столкнулись, ракетовоз тараном ударит в щиты, расщепит, расколит сомкнутый строй.

"Ну, давай, давай, подходи!" — торопил Ку-равлёв.

Демонстранты перестраивались. Женщину-знаменосца увели вглубь толпы. Красное знамя колыхалось над дальними рядами. Вперёд вышли крепкие парни, сцепились локтями. Ку-равлёв оказался в первом ряду, между Алксни-сом и Тереховым. Все трое крепко схватились локтями. Мимо проплыли каменные львы на во-ротах Музея революции. Появился гранитный цоколь дома, где жил Куравлёв.

Солдаты были близко. Они колотили дубин-ками в щиты, издавая грозный рокот, будивший первобытный страх. Рaketовоз выдвинулся из толпы, нацелил тупую голову. Анпилов врубил "Марш артиллеристов". "Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой", и "Артиллеристы, Сталин дал приказ!" Колокол бил, дубины грохо-тали. Две рати, две первобытные силы сошлись.

Треснуло, грохнуло. Рaketовоз пробил строй солдат и завяз. Анпилов успел крикнуть: "Народ, держись!", и его стаянули с трибуны. Куравлёв увидел близко клёпаный щит, летающий дуби-ну, полосу лица между щитом и каской. По-вис на локтях Терехова и Алксниса и ногами, что есть силы, ударил в щит. Слышал, как грохнул металл, удар вернулся к нему, тупо шархнул в грудь. "А ещё не хотите? А вот так! Вот так!"

Солдаты прорубались вглубь демон-страции. Летали дубины, реяли флаги, гремела музыка, ухал колокол. Рубились в рукопашной, насмерть. Нельзя было понять, где солдаты, а где демонстранты. Всё расплосло на хрипящие, визжащие клубки. Куравлёв бил ку-лаками, ногами. Получал удары дубинок. Испы-тывал слепую ненависть, жаркую ярость. Был готов убить. Получил дубинкой в голову, удар расскё ему бровь и ухо. Кровь заливала глаза, слепила. Он выбрался из гущи на тротуар. Оти-рал кровь кулаком, наблюдая схватку.

Старушка в платочке, что пела частушки, по-висла на рослом солдате. Тот пытался её стя-нуть, как медведь таксу, но старушка сцепилась накрепко, что-то кричала, быть может, "Эх, ма!" Парень по имени Бирюк в боксёрской стойке норовил достать кулаком челюсть солдата, но тот увёртывался, заслонялся щитом, старался садануть парня дубинкой. Двое солдат яростно лупили упавшего отставника-офицера, охажи-вали дубинками по погонам, по кителю. Озве-рев, придавили его щитом, а один выпрыгнул на щит, отлущив офицера. Тот так и остался лежать среди бегущих людей.

Куравлёв увидел, как на женщину-знаменосца напали двое, вырывают древо, сдирают знамя. Женщина отбивалась, тянула к себе полотнище. Волосы её распались, рот чернел в крике, из-под бровей горели глаза, зазавишые золотыми.

Уже не было музыки, колокольных ударов. Только выли сирены, гремели щиты, хрустели ко-сти, раздавались вопли и ругань. Из соседних улиц ударили железные клинья, рассекли толпу, обратили вслять. Площадь опустела. На асфальте валялась обувь, разорванные транспаранты, не-сколько щитов. Катила милицйеская машина с ядовитой мигалкой. Пушкин, склонив голову, пе-чально смотрел на оксвернённую площадь.

Куравлёв почувствовал слабость, сел на край тротуара. Кровь продолжала сочиться. Кто-то тронул его за плечо.

— Вам плохо? — к нему склонилась женщи-на-знаменосца. Волосы распались, лицо исцара-пано, на груди фотоаппарат. И глаза золотые. Она выглядела бодро, почти весело. — Здорово досталось?

— А где знамя?

— А вот оно, — женщина распахнула блузку. Под блузкой полыхнул красный шёлк. Она обмо-талась знаменем. Из-под шёлка выступала плотная грудь.

— Давайте, я вытру кровь, — она достала пла-ток и осторожно отёрла ему лицо. Он уловил запах разгоряченного тела, видел у самых глаз перетянутую красным шёлком грудь.

— Я вас знаю. Вы Куравлёв, редактор "Дня".

— А вы кто?

— Я Зоя.

— Космодемьянская? — вяло пошутил Куравлёв.

— Нет, Кострова. Дайте я вас сфотографирую.

Она отошла на шаг. Подняла аппарат, при-села и сделала несколько снимков. Куравлёв заметил, что она босая.

— Вижу, вы всё это снимали. Принесите снимки в газету.

— Принесу, — сказала она, — Мы делаем рево-люцию. Я снимаю революцию, — и ушла, ступая босиком по асфальту.

Явились товарищи по борьбе, "спе-наз", оснащённые орудиями боя — плака-тиками, бенгальскими палочками. У Курав-лёва и Нефёдова были машины. Все погрузились и отправились на улицу Воровского. Там, в чу-десном ампирном дворце за чужной решёткой, помещалось Министерство информации.

Вышли у дворца, развернули плакатики, по-весили их себе на грудь. Выстроились у ворот. Смушались, посмеивались, ловили удивлённые взгляды прохожих.

— Как партизаны, с дощечками, — хмыкнул Не-фёдов. У него на груди висел плакатик: "Что у трезвого на уме, у Полторанина на языке".

Бондаренко храбрился, выпячивая грудь с плакатом: "Не тронь "День" — ударит током". Анисин, худой, длинноногий, держал над голо-вой лист с корявым начертанием: "Нас остано-вит только пуля". Шурыгин прижимал к груди надпись: "Закрошь "День" — настанет ночь". У Куравлёва на шнурке висело: "День" — газета духовной оппозиции".

— Полторанин, должно быть, смотрит в окно и бухает, — сказал Шурыгин.

— Одного литра мало. Полтора в самый раз, — съязвил Султанов.

— "День" закрыть — не поле перейти, — произ-нёс Анисин.

— Отсжиживается, боится выйти, — Нефёдов по-смотрел на дворец и скорчил гримасу.

Они стояли, переманивались. Прохожие читали надписи. Один недовольно качал головой. Друг-ой в знак одобрения поднимал большой палец. Третий равнодушно проходил мимо. Куравлёв смотрел на окна дворца.

1993 г. Газета «День» на баррикадах

"Пусть видят, что "День" не сдаётся. Духов-ная оппозиция не имеет танков и орудий, но "дух дышит, его хочет". Найдёт врага в брониро-ванном бункере".

Стали скапливаться почитатели "Дня". Бог-весть откуда узнали о пикете. Несколько теле-камер уже стояло на треногах. Журналисты до-стали блокноты, рассматривали надписи. Когда операторы припадали к камерам, народ кричал: "Позор! Позор!"

Появлялись активисты, не пропускавшие ни-одного митинга. Лишь бы пошуметь, пооб-щаться, поборанить Гайдара и Ельцина.

Пришла вздесущая старушка в платочке, по-хожая на крепкий пенёк. Частушки вырастали на-ней, как опята.

*Я сеинину не люблю,
А люблю барануину.
Не хотите вы, девчата,
В гости к Полторанину.
Эх, ма!*

*Полторанина штаны
От натуши лопнули.
Он хотел прихлопнуть "День",
Самое прихлопнули.
Эх, ма!*

Старушка топотала изношенными башма-ками. Она красовалась перед телекамерами, надеялась снова попасть в передачу.

Молодой язычник, похожий на Леля, в белой, навыпущ, рубаше, подпоясанной красным ку-шачком, затеял разговор с Анисинем. Язычник носил на лбу золотую ленту. Она закрывала-лобное око. Он излагал Анисину своё языческое учение.

— Древние русичи поклонялись солнцу, ты зна-ешь. То есть, поклонялись Ра. Русский язык солнечный. "Разум", то есть "Ра у меня", то есть "Я — солнечный", понимаешь? "Разбет" — "Бег солнца", то есть русский космизм". Далее — "Радуга", то есть "Солнечная дуга". Давай, на-пишу статью "Русское солнце". Учение придёт на смену коммунистической идеологии.

— "Разбойник" — "Побивающий солнце", "Солн-цеборец", — поддакивал Анисин, — "Развед-чик" — "Ведающий солнце", то есть "Астроном". Ты меня убедил. Пиши статью.

Появилась женщина с бурятским лицом. На-румяненные щёчки, узкие глаза, подведённые чёрные бровки. На ней было малиновое облаче-ние, усыпанное бисером. В чёрные волосы вплетены цветные ленточки, колокольчики. Она была боса, поднималась на упругих мысках, по-водила руками, кружила в танце. Колокольчики звенели, бисер мерцал, подкрашенные губы та-инственно улыбаались.

— Уле! Уле! — воскликнула она, вычерпывая что-то из воздуха. Была похожа на ожившую статую из восточного святилища. Потанцевав перед Куравлёвым, бурятка остановилась.

— Я пришла к тебе от Белой Богини. Она любит тебя и берёт в мужья. Она велела взять тебя за руку и привести к ней. Пойдём к Белой Богине, — бурятка взяла Куравлёва за руку и потянула.

— Брысь, ведьма! — шуганул её Нефёдов, — Пошла бы ты к своей Белой Богине!

Бурятка, мелькая грязными пятками, исчезла. Вместо неё возник неопрятный, с седыми ба-кенбардами и безумными глазами человек. Он размахивал перед носом Куравлёва крохотной рукодельной газеткой. Гневно выпликал:

— Читай! Читай, говорю! Вот как надо писать! Меня сам Ельцин читает! И ты давай читай!

— Не хочу, — уклонялся от газетки Куравлёв. Издатель рукописной газеты, по прозвищу Топ-тыгин, появлялся на всех протестных митингах, совал всем газетку, а когда не брали, сдергивал. Он и впрямь был похож на Топтыгина, шатуна, что бродит среди людей.

— Топтыгин, давай мне газету, — Нефёдов при-нял от издателя мятый листок, — Прочитай и тебе скажу. Ты молодец.

— Почитай, почитай! Вот как надо писать! — и удалился, сердито тряс бакенбардами.

И языческий Лель, и бабуса с частушками, и бурятская ведунья, и сердитый издатель Топты-гин, — все были творцами. Высыпали на улицы, где возбуждённый народ искал правды, пропо-ведовал эту правду на свой народный лад.

К Куравлёву подошёл журналист в клетчатом пиджаке, с диктофоном. На бело-розовом све-жем лице красовался загнутый нос, смотрели любезные голубые глаза, краснел маленький сочный рот.

— Я Марк Файн, из "Нью-Йорк таймс". По-звольте вопрос, господин Куравлёв?

Правда ли, что ваша газета антисемитская? Я прочитал в сегодняшнем номере фразу: "На Малой Бронной упало дерево-антисемит". Неужели в России такой уровень антисемитизма, что даже деревья — антисемиты? — журналист улыбался, но в голубых глазах светилась холо-дная неприязнь. В диктофоне горел красный злой огонёк.

Куравлёв почувствовал опасность. Она была в сладком запахе табака, любезном поклоне, властном носе, презрительном сжатых губах. Американец источал превосходство победителя, наблюдавшего пляски побеждённых.

— Не могут ли в России повториться еврейские погромы?

— Эта фраза не более чем шутка. Я бы сказал, еврейская шутка. Разве мы похожи на погром-щиков? Мы наивные простаки, пляшущие на за-баву американскому гостю.

— А правда ли, что в России возможен реванш ко-ммунистов? Будет восстановлен Советский Союз?

Пока существует газета "День", такая возмоз-ность сохраняется.

— Спасибо, господин Куравлёв. Скоро выйдет моя статья, и вы проснётесь знаменитым! — журналист отошёл, улыбаясь пунцовыми губ-ками. Куравлёв заметил, как улыбающийся рот сжался в хищный хоботок.

Среди репортёров, телекамер, фотографов Куравлёв увидел Артёма Боровика, издателя мо-лодой, но уже прошумевшей газеты. Артём Боро-вик был сын известного советского американста Генриха Боровика. Тот работал корреспондентом в Нью-Йорке, быть может, разведчиком. Писал общепитательные статьи об американском импе-риализме. Рассказывал о бедствиях безработных, о расовом неравенстве. Появлялся на телеэкране в обществе бомжей, и даже привёз в Москву не-пританчивую активистку Анжелу Дэвис с огромным стогом курчавых волос. Фотографировался с ней

у Мавзолея. Он оказал протекцию своему ода-рённому сыну, опекал его первые шаги в журна-листике. Отправил юнца в Афганистан, где тот проехал два раза на БТР-е, получив орден Крас-ной Звезды. Фотографировался в камуфляже с автоматом Калашникова. Вскоре после Афгани-стана, когда бурно цвела перестройка, поехал в Америку. На военной базе прошёл курс морского пехотинца. Написал восторженный очерк об аме-риканской армии. Сфотографировался со скоро-стрельной винтовкой M-16. Тогда ещё шла аф-ганская война. Из M-16 убивали советских солдат. Панетирик Боровика показался Курав-лёву отвратительным.

Теперь Артём Боровик подошел к Куравлёву. Он был полный, щекастый, с пухленьким розо-вым ртом и большими умными глазами. В них пряталась осторожность играющего с огнём че-ловека. Он поздоровался за руку с Куравлёвым. — Я с вами, Виктор Ильич. Это безобразие — преследовать вашу газету. Пусть я не разделяю ваших убеждений, пусть моя газета утверждает другие ценности, но есть свобода слова, есть журналистская солидарность. Можете на меня рассчитывать, Виктор Ильич.

Куравлёв был благодарен. Он привык к на-падкам демократической прессы. Был ожесто-чён, и в этом ожесточении черпал силы, позво-ляющие вести